

УДК 94 (47-57) 1917/1991
doi:10.21685/2072-3024-2021-2-6

**«Педагог должен быть общественником»:
развитие пионерского и комсомольского движения
в дисперсной этнической среде на Юге России в 1920–1930-е гг.**

А. В. Аверьянов

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия
aver18071981@yandex.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Изучение исторического опыта национальной политики на Юге России позволяет переосмыслить характер этносоциальных процессов в регионе и механизмы интеграции этнических меньшинств. Цель статьи – проанализировать малоизученный аспект культурно-образовательной политики Советского государства в молодежной среде народов Дона, Кубани и Ставрополья в 1920–1930-е гг., а именно общественную и идеологическую работу в контексте развития пионерского и комсомольского движения. *Материалы и методы.* Реализация исследовательских задач основывалась на использовании архивных документов из фондов Государственного архива Российской Федерации, Государственного архива Ростовской области, Центра документации новейшей истории Ростовской области, Государственного архива Ставропольского края, Центра документации новейшей истории Краснодарского края. Важное место занимают нормативно-правовые акты, статистические данные и отчеты по обследованию этнических меньшинств на Юге России в 1920–1930-е гг. В статье используются историко-генетический и историко-сравнительный методы исследования в рамках направления микроистории, в том числе подхода «новой локальной истории». *Результаты.* Исследованы малоизученные аспекты культурно-образовательной политики через призму развития пионерского и комсомольского движения как важнейших элементов системы коммунистического воспитания в молодежной среде. Выявлены специфика, основные механизмы и характер воспитательной и общественной работы среди национальной молодежи. Проведен сравнительный анализ воспитательной работы среди представителей крупнейших дисперсных этносов на Юге России, а также динамика ее развития в 1920–1930-е гг. *Выводы.* Задачи общественной и идеологической работы в дисперсной этнической среде на Юге России обуславливались необходимостью вовлечения национальных меньшинств в советские социально-политические институты. Ключевым механизмом выступала социальная дифференциация. Основная ставка делалась на национальную молодежь, которая обучалась в советских национальных школах. Идеологизация образования компенсировала недостатки учебного процесса. Пионерское и комсомольское движение в этнической среде развивалось крайне неравномерно. Оно опиралось на беднейшие слои населения и выступало в качестве альтернативы традиционным социальным институтам с их консервативной общественной иерархией.

Ключевые слова: дисперсные этносы, Юг России, этнические меньшинства, пионерское движение, комсомол, национальный район, культурно-образовательная политика

Для цитирования: Аверьянов А. В. «Педагог должен быть общественником»: развитие пионерского и комсомольского движения в дисперсной этнической среде на Юге России в 1920–1930-е гг. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2021. № 2. С. 56–65. doi:10.21685/2072-3024-2021-2-6

© Аверьянов А. В., 2021. Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License / This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

**“The teacher must be a social activist”:
the pioneer and Komsomol movement’s development in a dispersed
ethnic environment in the South of Russia in the 1920s – 1930s**

A.V. Averyanov

Southern Federal University, Rostov on Don, Russia

aver18071981@yandex.ru

Abstract. *Background.* The study of the historical experience of national politics in the South of Russia allows us to rethink the nature of ethnosocial processes in the region and the mechanisms of ethnic minorities’ integration. The purpose of the article is to analyze the little-studied aspect of the cultural and educational policy of the Soviet state in the youth environment of Don, Kuban and Stavropol people in the 1920s – 1930s, namely, social and ideological work in the context of the pioneer and Komsomol movement’s development. *Materials and methods.* The implementation of research tasks was based on the use of archival documents from the funds of the State Archives of the Russian Federation, the State Archives of the Rostov region, the Center for Documentation of the Contemporary History of the Rostov region, the State Archives of the Stavropol region, and the Center for Documentation of the Contemporary History of the Krasnodar region. An important place is occupied by normative legal acts, statistical data and reports on the survey of ethnic minorities in the South of Russia in the 1920s – 1930s. The article uses historical-genetic and historical-comparative research methods within the framework of the direction of microhistory, including the approach of “new local history”. *Results.* The poorly studied aspects of cultural and educational policy have been investigated through the prism of the development of the pioneer and Komsomol movement as the most important elements of the system of communist education in the youth environment. The specificity, basic mechanisms and nature of educational and social work among national youth are revealed. A comparative analysis of educational work among representatives of the largest dispersed ethnic groups in the South of Russia, as well as the dynamics of its development in the 1920s – 1930s, is carried out. *Conclusions.* The tasks of social and ideological work in a dispersed ethnic environment in southern Russia were determined by the need to involve national minorities in Soviet socio-political institutions. Social differentiation was the key mechanism. The main stake was placed on the national youth who studied in the Soviet national schools. The ideologization of education compensated for the shortcomings of the educational process. The pioneer and Komsomol movement in the ethnic environment developed extremely unevenly. It relied on the poorest strata of the population and was presented as an alternative to traditional social institutions with their conservative social hierarchy.

Keywords: dispersed ethnic groups, the South of Russia, ethnic minorities, the pioneer movement, the Komsomol, the national region, cultural and educational policy

For citation: Averyanov A.V. “The teacher must be a social activist”: the pioneer and Komsomol movement’s development in a dispersed ethnic environment in the South of Russia in the 1920s – 1930s. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki* = *University proceedings. Volga region. Humanities*. 2021;2:56–65. (In Russ.). doi:10.21685/2072-3024-2021-2-6

Развитие культурно-образовательной сферы общества представляло собой важнейшее направление политики Советского государства. Преодоление культурной отсталости национальных меньшинств провозглашалось одной из приоритетных задач национальной политики в 1920–1930-е гг.

В условиях роста исследовательского интереса к истории малых этносоциальных групп на современном этапе развития историографии накоплен

определенный опыт изучения культурной и образовательной политики в дисперсной этнической среде на Юге России. В настоящей статье под дисперсными этносами понимаются те этнические сообщества, которые проживали за рамками своих национальных автономий или не имели их вовсе и которые отличал дисперсный характер проживания. Среди крупнейших дисперсных этносов Северо-Кавказского края, основная часть которых проживала на Дону, Кубани и Ставрополье, выделялись армяне, немцы, шапсуги, туркмены, греки, ассирийцы и т.д.

Методологической основой изучения дисперсных этнических сообществ помимо общесторических методов выступает комплекс микроисторических подходов, позволяющих изучить «сущностные характеристики прошлого через детальную реконструкцию его микроструктур (изучение “большого в малом”»». В работах В. З. Акопяна [1], Н. Ф. Бугай [2], И. Г. Иванцова [3] и других авторов рассматриваются различные аспекты культурного строительства в южнороссийском макрорегионе в 1920–1930-е гг., в том числе процесс коренизации школьного и профессионального обучения, ликвидации неграмотности на родных языках, механизмы и динамика расширения национальной школьной сети, развития печати и т.д.

В свою очередь малоизученной остается обратная сторона культурно-образовательной политики – ее идеологическое и общественное наполнение. Между тем данный аспект культурного строительства в дисперсной этнической среде считался не менее важным, чем его образовательная составляющая. Более того, он компенсировал недостатки учебного процесса. В этнической среде в силу нехватки финансовых и материальных средств, дефицита квалифицированных кадров проблемы образовательного процесса проявлялись наиболее рельефно. Длительное время темпы расширения школьной сети и охват учебой детей школьного возраста оставались недостаточными. К середине 1920-х гг. в Северо-Кавказском крае значились 523 национальные школы [4]. Наибольшая доля приходилась на армянские и немецкие школы – 117 и 113 единиц соответственно, притом, что численность армянского населения в крае в 1,7 раза превосходила немецкое [5, л. 55, 91]. Ощущался острый недостаток греческих, татарских, туркменских, ассирийских, еврейских школ. Охват детей школьным образованием среди немецкого населения был одним из самых высоких в Северо-Кавказском крае и в среднем достигал 70 %. Однако этот показатель в значительной степени оставался на бумаге, поскольку посещаемость школ существенно снижалась в весенне-осенние месяцы, когда дети активно привлекались к сельскохозяйственным работам [6]. Среди армянского населения школы посещало не более 50–60 % детей соответствующего возраста [5, л. 60]. Не более 50 % детей посещали греческие школы [5, л. 68]. Показатели посещаемости советских школ представителями других этнических сообществ в этот период были еще ниже.

Помимо материально-организационных сложностей дополнительным фактором, затрудняющим развитие школьной сети в этнической среде в 1920-е гг., выступали религиозные учебные заведения при церквях и мечетях. Комиссия по обследованию немецкого населения Северо-Кавказского края в 1928 г. отмечала, что в некоторых колониях «под руководством духовенства» шла «усиленная работа всяких религиозных кружков как для молодежи, так и для женщин». Отмечались случаи выхода из комсомола как

результат влияния на молодежь со стороны представителей духовенства. Данные случаи квалифицировались партийными и советскими органами как проявление «наступательной тенденции немецкого духовенства и кулачества» в условиях возрастающей идеологической борьбы за умы молодежи [7, л. 106].

В сложившихся условиях советская власть делала ставку на воспитание молодого поколения путем внедрения в их сознание советской системы ценностей. Становление советской школы и расширение сети комсомольских ячеек имело целью вывести национальную молодежь из-под влияния традиционных социальных институтов. Особая роль отводилась работе в женской среде – женщин выдвигали на советскую и партийную работу, обучали рабочим профессиям. Женское население в условиях укрепления советской власти на Юге России и реконструкции хозяйства рассматривалось как потенциальная лояльная социально-политическая группа, а также многочисленный кадровый ресурс.

Краевыми органами народного образования официально признавалось, что «просветительская работа ведется на двух фронтах – в школе и вне школы» [8, л. 2]. Однако главным местом идейного воспитания молодежи являлась советская школа. В 1920-е гг. национальные школы создавались на базе Устава Единой трудовой школы (ЕТШ), доступ в которую был открыт для детей школьного возраста от 8 до 17 лет [8, л. 71]. Национальные школы назывались в честь революционеров соответствующей ее этническому профилю национальности. Так, польская школа I ступени в Ставрополе была названа в честь В. В. Воровского [8, л. 59].

В Уставе ЕТШ отмечалась необходимость подготовки учащихся к «связи с трудящимися массами, организации юных пионеров» [8, л. 71]. Образовательный процесс в школе носил ярко выраженную идеологическую направленность. По словам Н. К. Крупской, «педагог должен быть общественником, участником социалистического строительства, должен понимать задачи коммунистического воспитания и проводить их на практике» [9].

Основная доля нагрузки и ответственности за идейное воспитание учащихся ложилась на педагогический состав. Учебный процесс активно совмещался с внеклассовой работой, прежде всего различными мероприятиями идеологической направленности. В национальных школах отмечались новые советские праздники и памятные даты, в том числе День годовщины Октябрьской революции, День расстрела рабочих 9 января, день рождения и смерти Ленина, День Парижской коммуны, День расстрела рабочих на Лене, 1 мая и т.д. [10].

«Комвоспитание» молодежи осуществлялось прежде всего в рамках пионерского и комсомольского движения. Пионерия и комсомол рассматривались как своего рода кузница будущих партийных кадров. В 1920-е гг. развитие детского коммунистического движения в этнической среде протекало крайне неравномерно и с разной степенью интенсивности. Добровольная социальная изоляция многих этнических общин, господство патриархальных устоев и религиозного сознания, а также низкая степень интеграции в советское общество, особенно беженцев, затрудняли процесс вовлечения «национальной» молодежи в пионерские и комсомольские организации. Зачастую

отношение к пионерскому движению было отрицательным и даже враждебным. Значительная роль в данном процессе отводилась учителям, которые должны были совмещать учебную и общественную нагрузку. Однако помимо низкой квалификации учителей в национальных школах отмечалась их невысокая идейная сознательность и неготовность вести идеологическую работу. Окружные и районные отделы народного образования неоднократно констатировали, что многие учителя из национальной среды отличались высоким уровнем религиозности. Например, отмечалось, что у многих учителей дома висят иконы, а в Греческом сельсовете Курсавинского района Ставропольского округа «один учитель – сын попа, второй учитель – дочь кулака-подрядчика, третий учитель – старик со старым уклоном» [11].

Тем не менее пионерское движение активно внедрялось в советских школах. К 1926 г. численность пионеров в армянских школах Северо-Кавказского края доходило до 1500 человек, а отрядов – до 20 [5, л. 56]. Относительно результативно идейно-воспитательная работа шла среди старожильского армянского населения Донского округа. Во второй половине динамика роста числа детей, охваченных пионерским движением, в Мясниковском районе в 1929 г. увеличился за два года с 380 до 992 человек [12, л. 39]. Создание к 1928 г. шести пионерских отрядов среди немецкого населения в Терском округе расценивалось как определенное достижение [7, л. 104].

Ключевую роль в формировании комсомольских ячеек в этнической среде играли партийные структуры. Динамика партийного строительства в этнической среде в 1920-е гг. превышала темпы роста комсомольских организаций. Так, в Армавирском округе, где проживало значительное количество немецкого населения Северо-Кавказского края, в 1927 г. насчитывалось 30 партийцев-немцев и 25 комсомольцев-немцев [13]. Во многих колониях партийные и комсомольские ячейки отсутствовали вовсе. На I Краевом совещании секретарей армянских секций в 1925 г. констатировалась недостаточная работа с молодежью по части ее вовлечения в пионерские и комсомольские организации. С целью усиления общественно-политической работы в молодежной среде члены совещания отмечали необходимость создания армянских секций при краевом и окружных комитетах РЛКСМ [14].

В условиях сохранения традиционных социально-политических институтов в период нэпа комсомольцы чаще всего не пользовались авторитетом у односельчан, степень их политического влияния на молодежь в 1920-е гг. была ограничена.

Новый этап в развитии молодежного коммунистического движения пришелся на начало коллективизации. Расширение партийных и комсомольских организаций в этнической среде приобрело практически значимый характер. Однако работа затруднялась вследствие нехватки идейно мотивированных активистов из этнической среды, а также вследствие плохого знания русского языка, на котором была вынуждена строиться комсомольская работа. Темпы роста численности комсомольцев в первые годы коллективизации по-прежнему отставали от динамики партийного строительства.

По итогам обследования немецкого населения Северо-Кавказского края в 1928–1929 гг. отмечалось следующее: «...что же касается роста комсомола, то он в меньшем количественном отношении, чем рост партии, причем следует отметить прием в комсомол в Терском округе – 14 девушек немок...

усматривается тяготение батрацкой и бедняцкой молодежи в комсомол, но слабость работы ячеек, ведение работы на русском языке и слабость сети лишают возможности охватить и втянуть эту молодежь в комсомол» [7, л. 107]. Наибольшие проблемы в этнической среде были связаны с вовлечением в комсомол девушек. Комсомольские организации тесно взаимодействовали с женотделами, организуя мероприятия по усилению работы среди национальной молодежи и ее женской части [7, л. 44].

Главную ставку в развитии комсомольских организаций партийные и комсомольские структуры делали на бедняцко-батрацкие слои, которые, по их мнению, были более мотивированы и заинтересованы в демонтаже традиционной социальной иерархии. Они составляли классовое ядро комсомольских организаций. Так, в комсомольской организации Ванновского немецкого национального района «пролетарское ядро» (бедняки и батраки) в 1929 г. составляли 30 %, в 1930 г. – 41 % [15, л. 12]. В 1931 г. в районной комсомольской организации значительно увеличился рост крестьян-середняков – с 71 до 126 человек, что свидетельствовало о постепенном втягивании в молодежное коммунистическое движение представителей более зажиточных слоев населения [16, л. 27] (табл. 1).

Таблица 1

Динамика изменения численности и социальной структуры комсомольской организации Ванновского (немецкого) национального района

Социальные партийные группы	На 1 октября 1930 г. (чел.)	На 1 декабря 1931 г. (чел.)
Батраки и рабочие	225	142
Бедняки-крестьяне	224	265
Середняки	71	126
Служащие	27	17
Всего	547	550
Пролетядро	41 %	24,5 %
Партядро	46 (7 %)	36 (6,5 %)

В комсомольской организации Армянского национального района доля батраков и рабочих за один год с 1930 по 1931 г. составила 20,5 и 31,2 % соответственно (табл. 2).

Таблица 2

Гендерный и социальный состав комсомольских организаций Армянского района [17]

Годы	Всего	Мужчин	Девушек	Рабочих	Батраков	Крестьяне		Прочие
						Бедняки	Середняки	
1930	707	565	142	195	141	205	129	17
1931	813	600	213	235	185	225	265	26
Рост, в процентах	15	4,4	50	20,5	31,2	8,9	105,3	53

В 1930-е гг. численность комсомольцев в национальных районах превысила количество коммунистов. Так, в партийной организации Армянского района в 1931 г. состояло 324 человека, в комсомоле – 813 человек. За девять месяцев 1929–1930 гг. рост комсомольской организации Ванновского района составил 73 % – с 167 до 297 человек, в то время как численность районной партийной организации в 1930 г. достигла 249 человек [15, л. 28].

Однако рост комсомольского движения в национальных районах происходил в основном за счет некоренных народов. Так, доля немцев в Ванновской комсомольской организации достигала лишь 13 %. Районной парторганизацией констатировалось, что «слабыми сторонами комсомольских организаций является недостаточная работа среди немецкой молодежи и рост за счет немцев» [15, л. 28]. Высокий уровень текучести в комсомольской организации Ванновского района обуславливался низким уровнем политико-идеологического воспитания комсомольцев. На III Районной партконференции отмечалось: «О работе комсомола нужно сказать, что здесь дела обстоят плохо, неправильный подход к комсомольцам-немцам, за малейший проступок их гонят из организации, их надо не гнать, а учить исправлять» [15, л. 12]. Типичной проблемой для всех без исключения комсомольских ячеек являлся слабый уровень дисциплины.

По мере развития коллективизации наблюдалось увеличение удельного веса среди вновь принятых комсомольцев – выходцев из середняцких слоев населения. К 1938 г. численность комсомольцев в Ванновском районе выросла до 726 человек [18, л. 13]. В свою очередь удельный вес немцев в районной комсомольской организации по-прежнему оставался низким, увеличившись к 1932 г. лишь до 18 % (99 человек) [18, л. 13]. Низкие темпы вовлечения немцев в комсомольскую районную организацию обуславливали поиск чрезвычайных механизмов рекрутирования немецкой молодежи. На заседании бюро ячейки ВЛКСМ села Ванновское 5 октября 1928 г. признавалось «целесообразным выделение немецкой национальной ячейки в самостоятельную единицу, учитывая трудности работы с немецкой молодежью» и отсутствие «подхода со стороны русских товарищей к националу немцу» [19]. К концу 1930-х гг. можно было констатировать, что процесс коренизации комсомольского движения в Ванновском районе так и остался незавершенным.

Схожая ситуация наблюдалась в Греческом районе. Несмотря на количественный рост районной комсомольской организации более чем в два раза – с 250 человек в 1930 г. до 567 комсомольцев в 1931 г., доля греков в ней не превышала 44 % [20]. Сворачивание коренизации в Греческом районе и его последующая ликвидация, как и в случае с Ванновским районом, в значительной степени были обусловлены не только внешнеполитической конъюнктурой, но и внутренними проблемами, в том числе неспособностью районных и региональных властей наладить организационную и идейно-политическую работу среди немецкой и греческой молодежи.

Значительно динамичней комсомольское движение развивалось в Армянском районе на Кубани. В середине 1930-х гг. в ходе чисток районной комсомольской организации численность комсомольцев сократилась. В 1937 г. насчитывалось всего 602 комсомолец, тогда как в 1931 г. их было 813. В предвоенные годы организация демонстрировала стабильный рост, в том числе за счет создания новых ячеек. Если в 1937 г. их насчитывалось 40, то

в 1938 г. – 44 (626 человек), а в 1939–1940-х гг. – 59 (1278 комсомольцев). Доля коренной национальности (в данном случае армян) в районной комсомольской организации в 1940 г. составляла 70 %, или 897 человек [21, л. 116]. В данной связи политику коренизации в области партийного и комсомольского строительства в Армянском районе можно было считать относительно успешной, что объяснялось высоким адаптационным потенциалом армянского населения.

Наиболее быстрыми темпами комсомольское движение развивалось в Мясниковском (армянском) районе на Дону. На заседании бюро райкома в декабре 1928 г. отмечалось, что «комсомол в районе растет здорово» [22, л. 12а]. В 1927 г. в районную комсомольскую организацию входило 158 человек, в 1928 г. – 222 активиста, а в 1929 г. – 310 человек, в том числе 240 юношей и 70 девушек. Среди комсомольцев преобладали бедняки (43,5 %) и батраки (25 %) [12, л. 39 об.]. Ситуация осложнялась фактическим роспуском и перерегистрацией комсомольской организации Мясниковского района в связи с разгромом так называемой «гадзиевщины» – репрессиями в отношении бывшего руководства района и его сторонников [23, л. 6а]. В данной связи комсомольскому строительству придавалось особое значение. В целях его поддержки местным партийным руководством предписывалось усилить партийный контроль над комсомолом, в том числе путем увеличения численности его «партядра». Для этого признавалось необходимым ускорить процесс вступления в партию наиболее подготовленных комсомольцев и «прикрепления отдельных подготовленных товарищей (партприкрепленных) для работы в комсомоле» [23, л. 6а–7]. Одновременно обращалось внимание на недостатки комсомольского движения в районе, прежде всего «общеобразовательную отсталость» его членов. С целью ее преодоления районной комсомольской организации предписывалось обеспечить выборку квот для обучения национальных меньшинств в советских партийных школах и на рабфаках [22, л. 12а].

Таким образом, идеологическое воспитание являлось одним из важнейших элементов советского образования в 1920–1930-х гг. Именно в этот период были заложены его основы. Необходимость его внедрения в этнической среде обуславливалась стремлением вовлечь представителей этнических меньшинств в советские общественные институты, преодолеть их социальную и культурную изоляцию. Идеологизация образования в значительной степени компенсировала недостатки учебного процесса, связанные с нехваткой национальных школ, низкой квалификацией учителей. Система коммунистического воспитания национальной молодежи представляла собой единую структуру в рамках пионерского и комсомольского движения, одновременно выполнявшего функцию социального лифта для беднейших слоев и представлявшего альтернативу традиционным социальным институтам с их жесткой внутриэтнической иерархией. Если в 1920-е гг. темпы увеличения численности пионерской и комсомольской организаций в дисперсной этнической среде на Юге России значительно отставали от темпов партийного строительства, то в 1930-е гг. в условиях укрепления советских социально-политических институтов динамика роста молодежного движения в этнической среде значительно возросла, хотя и отличалась неравномерностью.

Список литературы

1. Акопян В. З. Армяне Ставрополя и Терека. Пятигорск : ПГЛУ, 2007. 264 с.
2. Бугай Н. Ф. Кавказ. Этнические меньшинства: прошлое и настоящее. М. : Гриф и К, 2014. 420 с.
3. Иванцов И. Г. Советские формы «малой автономии». Национальные районы и сельсоветы на Кубани. 1924–1953 гг. (на материалах Кубани и Северного Кавказа). Краснодар : Альфа-Принт, 2013. 128 с.
4. Государственный архив Ставропольского края (ГАСК). Ф. Р-299. Оп. 1. Д. 250. Л. 111.
5. Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. Р-64. Оп. 1. Д. 234.
6. ГАРО. Ф. Р-1798. Оп. 1. Д. 941. Л. 97.
7. Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО). Ф. 7. Оп. 1. Д. 751.
8. ГАСК. Ф. Р-300. Оп. 1. Д. 139.
9. Крупская Н. К. Мерила оценки педагога // Хрестоматия по педагогике : учеб. пособие / под. ред. З. И. Равкина. М. : Просвещение, 1976. С. 20.
10. ГАСК. Ф. Р-300. Оп. 1. Д. 148. Л. 34.
11. ГАСК. Ф. Р-1161. Оп. 1. Д. 1723. Л. 42.
12. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-1235. Оп. 124. Д. 75.
13. Центр документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИКК). Ф. 12. Оп. 1. Д. 98. Л. 27.
14. ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 165. Л. 10.
15. ЦДНИКК. Ф. 493. Оп. 1. Д. 16.
16. ЦДНИКК. Ф. 493. Оп. 1. Д. 52.
17. ЦДНИКК. Ф. 1415. Оп. 1. Д. 14. Л. 31.
18. ЦДНИКК. Ф. 493. Оп. 1. Д. 99.
19. ЦДНИКК. Ф. 493. Оп. 1. Д. 9. Л. 37.
20. ЦДНИКК. Ф. 2662. Оп. 1. Д. 15. Л. 39.
21. ЦДНИКК. Ф. 1415. Оп. 1. Д. 39.
22. ЦДНИРО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 11.
23. ЦДНИРО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 7а.

References

1. Akopyan V.Z. *Armyane Stavropol'ya i Tereka = Armenians of Stavropol and Terek*. Pyatigorsk: PGLU, 2007:264. (In Russ.)
2. Bugay N.F. *Kavkaz. Etnicheskie men'shinstva: proshloe i nastoyashchee = Caucasus. Ethnic minorities: past and present*. Moscow: Grif i K, 2014:420. (In Russ.)
3. Ivantsov I.G. *Sovetskie formy «maloy avtonomii». Natsional'nye rayony i sel'sovety na Kubani. 1924–1953 gg. (na materialakh Kubani i Severnogo Kavkaza) = Soviet forms of “small autonomy”. National regions and village councils in the Kuban. 1924–1953 (based on materials from the Kuban and the North Caucasus)*. Krasnodar: Al'fa-Print, 2013:128. (In Russ.)
4. *Gosudarstvennyy arkhiv Stavropol'skogo kraya (GASK). F. R-299. Op. 1. D. 250. L. 111 = The State Archive of Stavropol region. Fund R-299. Item 1. File 250. List 111.* (In Russ.)
5. *Gosudarstvennyy arkhiv Rostovskoy oblasti (GARO). F. R-64. Op. 1. D. 234 = The State Archive of Rostov region. Fund R-64. Item 1. File 234.* (In Russ.)
6. *GARO. F. R-1798. Op. 1. D. 941. L. 97 = The State Archive of Rostov region. Fund R-1798. Item 1. File 941. List 97.* (In Russ.)
7. *Tsentru dokumentatsii noveyshey istorii Rostovskoy oblasti (TsDNIRO). F. 7. Op. 1. D. 751 = The Center for Documentation of the Contemporary History of Rostov region. Fund 7. Item 1. File 751.* (In Russ.)

8. GASK. F. R-300. Op. 1. D. 139 = *The State Archive of Stavropol region. Fund R-300. Item 1. File 139.* (In Russ.)
9. Krupskaya N.K. Measure of the teacher's assessment. *Khrestomatiya po pedagogike: ucheb. posobie* = *Reader on pedagogy: textbook allowance*. Moscow: Prosveshchenie, 1976:20. (In Russ.)
10. GASK. F. R-300. Op. 1. D. 148. L. 34 = *The State Archive of Stavropol region. Fund R-300. Item 1. File 148. List 34.* (In Russ.)
11. GASK. F. R-1161. Op. 1. D. 1723. L. 42 = *The State Archive of Stavropol region. Fund R-1161. Item 1. File 1723. List 42.* (In Russ.)
12. Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii (GARF). F. R-1235. Op. 124. D. 75 = *The State Archive of the Russian Federation. Fund R-1235. Item 124. File 75.* (In Russ.)
13. Tsentri dokumentatsii novyeyshey istorii Krasnodarskogo kraya (TsDNIKK). F. 12. Op. 1. D. 98. L. 27 = *The Center for Documentation of the Contemporary History. Of Krasnodar region. Fund 12. Item 1. File 98. List 27.* (In Russ.)
14. TsDNIRO. F. 7. Op. 1. D. 165. L. 10 = *The Center for Documentation of the Contemporary History of Rostov region. Fund 7. Item 1. File 165. List 10.* (In Russ.)
15. TsDNIKK. F. 493. Op. 1. D. 16 = *The Center for Documentation of the Contemporary History. Of Krasnodar region. Fund 493. Item 1. File 16.* (In Russ.)
16. TsDNIKK. F. 493. Op. 1. D. 52 = *The Center for Documentation of the Contemporary History. Of Krasnodar region. Fund 493. Item 1. File 52.* (In Russ.)
17. TsDNIKK. F. 1415. Op. 1. D. 14. L. 31 = *The Center for Documentation of the Contemporary History. Of Krasnodar region. Fund 1415. Item 1. File 14. List 31.* (In Russ.)
18. TsDNIKK. F. 493. Op. 1. D. 99 = *The Center for Documentation of the Contemporary History. Of Krasnodar region. Fund 493. Item 1. File 99.* (In Russ.)
19. TsDNIKK. F. 493. Op. 1. D. 9. L. 37 = *The Center for Documentation of the Contemporary History. Of Krasnodar region. Fund 493. Item 1. File 9. List 37.* (In Russ.)
20. TsDNIKK. F. 2662. Op. 1. D. 15. L. 39 = *The Center for Documentation of the Contemporary History. Of Krasnodar region. Fund 2662. Item 1. File 15. List 39.* (In Russ.)
21. TsDNIKK. F. 1415. Op. 1. D. 39 = *The Center for Documentation of the Contemporary History. Of Krasnodar region. Fund 1415. Item 1. File 39.* (In Russ.)
22. TsDNIRO. F. 73. Op. 1. D. 11 = *The Center for Documentation of the Contemporary History of Rostov region. Fund 73. Item 1. File 11.* (In Russ.)
23. TsDNIRO. F. 73. Op. 1. D. 7a = *The Center for Documentation of the Contemporary History of Rostov region. Fund 73. Item 1. File 7a.* (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Антон Викторович Аверьянов

кандидат исторических наук, доцент,
доцент кафедры отечественной истории
XX–XXI веков, Институт истории
и международных отношений, Южный
федеральный университет (Россия,
г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая,
33/43)

Anton V. Averyanov

Candidate of historical sciences, associate
professor, associate professor of the
sub-department of national history of the
20th – 21st centuries, Institute of history and
international relations, Southern Federal
University (33/43 Bolshaya Sadovaya street,
Rostov on Don, Russia)

E-mail: aver18071981@yandex.ru

Поступила в редакцию / Received 18.02.2021

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 10.03.2021

Принята к публикации / Accepted 30.03.2021